

Этот, так сказать, болѣе описательный методъ изслѣдованія сдѣлалъ возможнымъ и даже отчасти необходимымъ, чтобы въ сборникѣ сошлись люди различныхъ научныхъ взглядовъ и политическихъ направленій (но одинаковыхъ, разумѣется, на практичѣскихъ пожеланій!). Если благодаря этому въ обработкѣ матеріала и получается нѣкоторая „востота“, то, съ другой стороны, это дастъ намъ какъ разъ возможность ознакомиться съ національной проблемой, *видѣть* ее въ разныхъ ея плоскостяхъ. Само собою разумѣется, что отвѣтственность какъ авторовъ, такъ и редакціи не простирается дальше предѣловъ ихъ собственныхъ статей.

Чтобы получить по возможности выпуклую картину развитія національнаго движенія, чтобы сдѣлать различныя его фазы болѣе наглядными, — каждой національности въ отдѣльности удѣлена особая глава, причемъ для достиженія возможно большей безпристрастности въ смыслѣ „международныхъ отношеній“ статьи по мѣрѣ возможности распределены между представителями каждой данной національности, что вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ сборнику характеръ „человѣческаго документа“, своего рода парламента національностей. Что касается порядка размѣщенія матеріала, то редакція придерживалась болѣе объективнаго въ данномъ случаѣ „критерія“, — численности той или иной народности, согласно даннымъ официальной статистики.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, въ сборникѣ, къ сожалѣнію, не вошли эсты, пѣмцы, а также татары, національное движеніе которыхъ въ повѣдѣнное время принимаетъ все болѣе широкіе размѣры и песонибно имѣетъ большое значеніе для будущаго политическаго развитія Россіи¹⁾. Осталось также неразмѣреннымъ національное движеніе румынъ въ Австро-Венгріи.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что событія самаго послѣдняго времени въ области національнаго движенія, въ особенности, движеніе національнаго вопроса въ государственной думѣ и т. д., какъ еще не поддающіеся научному анализу по огвѣщенію, по мѣрѣ возможности исключены изъ круга изслѣдованія настоящаго тома.

А. Кастелянскій.

¹⁾ По тѣмъ же обстоятельствамъ, отъ редакціи независимымъ, остался также неразмѣреннымъ одинъ изъ болѣе знаменательныхъ моментовъ русскаго національнаго движенія, — я имѣю въ виду происходившіе въ 1905 и 1906 гг. съѣзды а вто ном исто въ Федеративство въ которыхъ участвовали представители почти отъ всехъ народовъ Россіи. Статьи объ этомъ интересномъ событіи, въ связи съ разсмотрѣніемъ національнаго вопроса въ Россіи съ обще-государственной точки зрѣнія, къ сожалѣнію, не могла попасть въ этотъ томъ. Выпускаемый въ свѣтъ сборникъ вообще представилъ цѣлый рядъ затрудненій, среди которыхъ немало чисто-техническаго свойства, чѣмъ часто объясняется его запозданіе. Уже одно то обстоятельство, что участники сборника разсѣяны буквально по разнымъ уголкамъ Европы, и что рукописи доставлялись на разныхъ языкахъ, для которыхъ нѣрѣдко нельзя было даже найти подходящихъ переводчиковъ, — до крайности тормозило его составленіе.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦІЯ НАЦИОНАЛЬ- НОСТЕЙ ВЪ АВСТРО-ВЕНГРІИ.

I. Начало конституціонной эры.

Домартовскій періодъ.

Адамъ Мицкевичъ въ своихъ „Лекціяхъ о славянской литературѣ“ (4-ая лекція, годъ 3-ій, изд. 1842 г.) слѣдующимъ образомъ изображаетъ государственное устройство Австріи до революціи 1848 г.: „Эта имперія насчитываетъ 34 милліона жителей; въ сущности же, въ ней не болѣе 6 милліоновъ душъ, ибо 6 милліоновъ пѣмцевъ держатъ у себя въ подчиненіи 28 милліоновъ всѣхъ остальныхъ племенъ. Но если изъ этихъ 6 милліоновъ вычтеть еще (нѣмецкихъ) крестьянъ, ремесленниковъ, торговцевъ и т. п., какъ вовсе не принимающихъ участія въ управленіи страной, то останется максимумъ 2 милліона австрійцевъ, которые господствуютъ надъ всей этой огромной массой. Эти два милліона людей, или вѣрнѣе — ихъ интересы и взгляды представлены приблизительно сотней семействъ, которыя принадлежатъ къ нѣмецкой, венгерской, чешской, польской и ромашскимъ національностямъ, но говорятъ всѣ на французскомъ языкѣ и хранятъ свои капиталы болѣею частью за границей. Имѣя къ своимъ услугамъ два милліона чиновниковъ и солдатъ, они властвуютъ надъ остальными 32 милліонами населенія. Это въ сущности сообщество, дѣйствующее по образцу английской остъ-индской торговой компаніи, которая также властвуетъ надъ большой территоріей. Обыкновенно объ этой Австріи имѣютъ ложное представленіе; на дѣлѣ она никогда не была ни нѣмецкимъ, ни венгерскимъ, ни славянскимъ государствомъ, а только клячкой, объединившей всѣхъ тѣхъ, кто поставилъ собѣ цѣлью высасывать жизненные соки изъ столькихъ обширныхъ и густо населенныхъ земель“.

Этотъ суровый приговоръ въ одно и то же время и справедливъ, и не справедливъ. Въ старой Германской имперіи главенствовали Габсбургскій домъ;

прусскій домъ Гогенцоллерновъ соперничалъ съ нимъ въ могущество и честолюбіи. Превосходство силъ этихъ двухъ династій надъ полсотнею германскихъ владѣтельныхъ князей объясняется тѣмъ, что объ пограничныя державы находились на востокѣ, гдѣ постоянная забота о защитѣ границъ вынуждала къ собиранію большихъ территоріальныхъ пространствъ и народныхъ массъ. Пруссія увеличивалась потому, что безсильная Польша представляла собою для нея роета линію наименьшаго сопротивленія, точно разрыхленная почва для врастающихъ въ нее корней. Австрія была спяща ударами турецкаго меча. И объ державы вначалѣ *фактически* представляли собою колониальныя государства. Такимъ образомъ для даннаго періода сравненіе съ ость-индской компаніей выражаетъ собою только частичную истину и совершенно несправедливый упрекъ. Упрекъ этотъ становится справедливымъ по отношенію къ Австрійской имперіи лишь съ теченіемъ времени, по положительо нельзя обращать его противъ правителей вроде Маріи Терезіи или Іосифа II, которые именно и стремились, путемъ широкихъ эконолическихъ и политическихъ реформъ, превратить колоніи въ современное государство и изъ колониальныхъ подданныхъ создать народы въ современномъ смыслѣ слова. При данной степени зрѣлости народовъ упомянутые государи могли этого достигнуть только мѣрами абсолютной власти.

Въ развитіи континентальныхъ государствъ вообще можно установить слѣдующій, въ нѣкоторомъ родѣ основной законъ: глубоко присущая современному сознанию идея единой государственной власти, при существующей племенной и политической раздробленности континента, можетъ воплотиться, только воплощаясь въ личности *одного* монарха.—въ противобѣсъ сепаратистскимъ тенденціямъ церкви, феодальныхъ сословій, торговыхъ городовъ. Но, разъ войдя въ сознаніе народовъ, какъ неотъемлемое его достояніе, идея единства государственной власти уже не нуждается въ особомъ конкретномъ олицетвореніи. Нельзя слить металлъ безъ формы. Но когда отливка закончена, форма, надъ которой всего больше трудился художникъ, разбивается.—Дипломатіей своей государи создали вибншія рамки государства, своей властью они очистили его *почву* отъ разваливъ средне-вѣковыхъ сословій и тѣмъ обезпечили условия для роста народа, для развитія *его хозяйственнаго и культурнаго организма*. Живой народъ роетъ и развернулъ свою *собственную* мысль, чувство и волю.

Современное товарное хозяйство, развитіе промышленности, денежное хозяйство, смѣнившее хозяйство натуральное, вызвали къ жизни и въ Австріи современную буржуазію и современный пролетаріатъ, образованную бюрократію, науку и искусство; возникли современные общественные классы. Характерной ихъ особенностью служитъ тотъ моментъ, что ихъ интересы

скрещиваются и на каждомъ шагѣ приходятъ въ столкновеніе, что все они находятся подъ воздействием государства. Кто долженъ быть третейскимъ судьей въ ихъ взаимныхъ конфликтахъ? Выступать въ роли посредника между помещиками и крѣпостными было главной, почти единственной задачей просвѣщеннаго абсолютизма,—задача весьма легкая! Въ настоящее время на мѣсто этого единственнаго противорѣчія возникъ цѣлый рядъ антагонизмовъ—между предпринимателемъ и рабочимъ, ремесленникомъ и фабрикантомъ, непосредственнымъ производителемъ и торговцемъ, между всѣми—шми и банкиромъ, между интересами современнаго города и интересами деревни. Мало того: на ряду съ этимъ мы наблюдаемъ сильную конкуренцію даже въ области одной и той же профессіи: конкуренція между промышленными районами, конкуренція между торговыми центрами. Кто могъ бы принять на себя роль судьи на этомъ форумѣ? Будь этотъ смѣльчакъ хотя бы богомъ, тяжущіяся стороны никогда не повѣрятъ въ его безпристрастіе; будь опъ сатана, — даже тотъ, кому опъ оказалъ бы незаслуженное покровительство, считаль-би себя въ обидѣ. Ибо въ этой страшной свалкѣ едва ли хоть одинъ человекъ сочтетъ даже наибольшіе результаты, которыхъ опъ въ состояніи достигъ, наградой дѣйствительно достойной потраченныхъ имъ усилій и заботъ. При современномъ общественномъ строѣ каждое рѣшеніе „выше“ должно непремѣнно у *всѣхъ* возбуждать недовѣріе; оно не вполне удовлетворяетъ даже тѣхъ, кому *достигается* какія-нибудь выгоды, тѣмъ болѣе вызываетъ оно чувство раздраженія у тѣхъ, отъ кого что-либо *береть*. А современное государство должно брать у всѣхъ своихъ гражданъ, по крайней мѣрѣ, денежные налоги и сыновей для военной службы.

Не добродѣтели и не пороки государей погубили абсолютизмъ въ Западной Европѣ; нѣрѣдко самими честнымъ и способнымъ правителямъ приходилось не мало терпѣть отъ недовѣрія своихъ современниковъ (вспомнимъ хотя бы Іосифа II). Современный общественный строй съ его борьбой между отдѣльными личностями и между цѣлыми классами не допускаетъ никакого судиллица, кромѣ *политической* конкуренціи, — соотязанія лицъ и партій въ борьбѣ за власть. Въ часъ сраженія еще можно говорить о виновности или невиновности тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ лицъ, но съ высоты сторожевой башни исторіи передъ нашими глазами встаетъ прежде всего закошъ желѣзной необходимости.

Едва ли какой-нибудь другой народъ имѣлъ такого незлобиваго, добродушнаго и чистосердечнаго монарха, какого имѣла Австрія въ лицѣ короля Фердинанда. Но какъ разъ эти его достоинства и усиліи всеобщее къ нему недовѣріе. Въ разгарѣ борьбы его замѣняетъ 18-лѣтній Францъ-Іосифъ—носитель власти, но еще не властитель; юный монархъ

безъ послѣдовательности и воли. И тѣмъ не менѣе переѣма на тронѣ открываетъ собою самое грубое господство солдатчины и жестокую гражданскую войну. Реставрація и окончательное крушеніе абсолютизма въ періодъ 1848—1870 г. идутъ совершенно параллельно во Франціи и въ Австріи, хотя въ этихъ государствахъ абсолютизмъ олицетворяется глубоко различными по своимъ характеристикамъ монархами. Ни слабость, ни сила, ни недостатокъ, ни чрезмерность интеллектуальной элергіи абсолютизма—ничто не въ состояніи защитить его отъ убійственнаго холода всеобщаго недовѣрія.

Между тѣмъ абсолютизмъ домартовскэй Австріи имѣлъ не буржуазно-бюрократическій, а феодально-аристократическій характеръ. Нѣсколько сотенъ дворянскихъ семействъ изъ нѣмецкихъ, чешскихъ и венгерскихъ земель, породившихся между собою благодаря ловкой брачной политикѣ Маріи Терезіи и чуждыхъ всякаго національнаго сознанія, держать въ своихъ рукахъ всѣ высшія должности мало развитой бюрократіи и хорошо вымуштрованнаго войска. Населеніе аккуратно выплачиваетъ налоги и охраняется отъ глетворнаго вліянія заграничной печати. Этихъ болѣе или менѣе и нечерпывалось все искусство государственнаго управленія. Ни одна эпоха въ исторической жизни Австріи не была столь бѣдна творческою дѣятельностью и законодательными работами, какъ эпоха Меттерниха. Воспитанная въ ея духѣ бюрократія, разумѣется, оказалась совершенно неспособной противостоять натиску революціи. Если сравнить мартовскую вѣискую революцію съ первыми могучими революціонными потрясеніями Россіи, то она покажется не болѣе, какъ ничтожною вепышкой. Однако и она оказалась достаточно сильной, чтобы низвергнуть въ пропасть Меттерниха со всей его системой.

Мартовская революція и ея крушеніе.

Общество, покоящееся на основѣ раздѣленія труда, расчлененное на классы, покоренное денежнымъ хозяйствомъ, поддерживаемое конкуренціей въ состояніи постоянного напряженія—словомъ, *современное буржуазное общество* не мирится съ абсолютною властью; это—моментъ отрицанія въ общественной эволюціи. Въ силу общаго закона конкуренціи, это общество требуетъ свободнаго и неограниченнаго соревнованія между отдѣльными личностями, классами, сословіями, а стало быть и между политическими партіями, въ которыхъ стремленія тѣхъ же классовъ, сословій и личностей опять-таки преломляются въ видѣ конкуренціи за власть въ государствахъ: положительный моментъ въ той же общественной эволюціи—введеніе представительнаго режима. Органы пароднаго представительства—это средство, помощью котораго борю-

щіеся между собою реальные интересы пробуютъ свои взаимныя силы и приходятъ сами собою къ своему рода третейскому рѣшенію. Каждый съ довѣріемъ относится къ ихъ рѣшеніямъ, такъ какъ каждый принимаетъ въ нихъ участіе до конца, будетъ ли этотъ конецъ для него побѣдой или пораженіемъ. Они произносятъ соціальныи приговоръ, имѣющій неоспоримый авторитетъ. Они незамѣнимы и необходимы для каждаго государства, желающаго пользоваться прочнымъ внутреннимъ миромъ. *Исполненіе* этого общественнаго приговора можетъ быть предоставлено либо *одному* монарху, либо классу привилегированныхъ лицъ, либо самимъ народнымъ представителямъ. Это—вопросъ для современнаго государства несущественный. Представительная ли монархія, аристократія или демократія ¹⁾, т. е. конституціонная ли монархія, монархія ли парламентарная или республика,—эта трилема разрѣшается, смотря по обстоятельствамъ, и уже не затрагиваетъ *жизненныхъ* интересовъ буржуазнаго общества.

„Конституція“, восклицали въ мартѣ 1848 г. пародныя массы въ Вѣнѣ, Прагѣ и Будапештѣ; конституціонализмъ—вотъ лозунгъ, на которомъ сходились всѣ, по крайней мѣрѣ въ первый моментъ. Меттернихъ бѣжалъ за границу, императоръ Фердинандъ „Милостивый“ уступилъ, и въ манифестѣ 15 марта 1848 г. далъ обѣщаніе ввести конституцію, назначивъ одновременно съ этимъ ответственное министерство. Борьба между абсолютизмомъ и конституціонализмомъ казалась рѣшенной. Новое министерство тотчасъ же приступило къ выработкѣ конституціи, вся страна ликовала.

Конституція превратила безличныхъ нѣмцевъ подданныхъ въ говорящихъ и активныхъ гражданъ. То, что до сихъ поръ почти не вызвало интереса, теперь приобрѣло крупнейшее значеніе: граждане государства заговорили на *многихъ языкахъ*, они оказались принадлежащими къ различнымъ націямъ. Эти націи въ Австріи сразу выступили на политическую арену и заявили свои права на принадлежащую имъ роль: конституція должна быть *національною*. Едва ли можно было бы пайти въ Западной Европѣ другой подобный примѣръ. Нѣмцы требовали нѣмецкой конституціи съ парламентомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ; чехи—чешской съ Прагой, какъ политическимъ центромъ; мадьяры—мадьярской съ центромъ въ Будапештѣ и т.д.; значительная часть требовала также обще-австрійской конституціи съ Вѣной въ качествѣ центра. Получился полный хаосъ. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что австрійскій императоръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самой крупной силой Германскаго Союза. Должна ли въ такомъ случаѣ вся девятиязычная Австрія войти въ Союзъ? И какъ? Въ ея раздробленномъ видѣ или какъ заранѣе объединенное цѣлое? Или же только своими нѣ-

¹⁾ Эти выраженія употреблены здѣсь въ артегелевскомъ смыслѣ.

междуими землями? А въ послѣднемъ случаѣ, въ какихъ отношеніяхъ окажутся славянскія, мадьярскія и итальянскія области къ Союзу?

Нельзя строго судить австрійскій дворъ за то, что онъ вслѣдъ за мартовскими днями обнаружилъ слишкомъ поспѣшную готовность угождать всѣмъ. Петиція пражскихъ чеховъ требовала богемскаго государственнаго права, и корона тотчасъ же издала указъ отъ 8 апрѣля 1848 г., коимъ обѣщала объединить Богемію, Моравію и Силезію въ самостоятельную самоуправляющуюся область, и распоряженіе о равноправности чешскаго и нѣмецкаго языка въ этомъ обособленномъ государствѣ. Этотъ указъ составляетъ такъ называемую „богемскую хартію“, которая впоследствии должна была привести къ столь большой сумятицѣ и послужить чехамъ юридическимъ основаніемъ для требованій „богемскаго государственнаго права“.

Три дня спустя, 11 апрѣля 1848 г., мадьяры представили поставленія своего пресбургскаго ландтага, и императоръ Фердинандъ санкціонировалъ законъ, который даровалъ Венгріи почти полную независимость. Этотъ законъ составляетъ такъ называемую „конституцію независимости“, на которую въ Венгріи опирается партія Кошута, и которая вызвала въ монархіи опаснѣйшій кризисъ.

Затѣмъ, спустя двѣ недѣли, была обнародована выработанная министерствомъ Шиллердорфа конституція 25 апрѣля 1848 г. для *всей* австрійской имперіи. Она явно игнорировала богемскую хартію и обошла молчаніемъ венгерскую конституцію. Эта Шиллердорфская или апрѣльская конституція фактически однако вступила въ силу только въ западныхъ земляхъ и не была примѣнена къ Венгріи; тогда впервые „дуализмъ“ проявился на практикѣ: произошло дѣленіе на Австрію и на Венгрію. *А одновременно съ этимъ нѣмецко-австрійскіе депутаты были посланы въ первый нѣмецкій парламентъ, собравшійся съ церкви св. Павла во Франкфуртѣ.* Ни отвешенія монархіи къ Германіи, ни отпосевія Венгріи къ Австріи не было урегулированы.

Первый декретъ о выборахъ (8 мая 1848 г.) исключилъ изъ участія въ нихъ пролетаріатъ и этимъ самымъ наряду съ политическимъ и національнымъ антагонизмомъ привелъ къ обостренію и антагонизма социальнаго. Но затѣмъ въ манифестѣ отъ 18 мая 1848 г. императоръ рѣшился сдѣлать избирательное право всеобщимъ, назначить выборы и созвать первое народное представительство въ качествѣ „*учредительнаго собранія*“. Австрійская конституанта, уполномоченная монархомъ „выработать для отечества конституцію“, собралась 22 іюня 1848 г. въ Вѣнѣ, въ то время какъ независимый венгерскій парламентъ засѣдалъ уже въ Будапештѣ;—казалось, что революція за четыре мѣсяца, достигла своей цѣли.

Обѣ вступившія въ силу конституціи повсюду вывели на поверхность *національные* интересы. Итальянцы держались вдали отъ вѣнскаго парламента, хорваты—отъ будапештскаго. Въ Венгріи словаки, румыны, сербы и трансильванскіе саксонцы протестовали противъ попытки создать чисто-мадьярское національное государство и отиравали депутаціи къ императору въ Вѣну и Ольмюцъ. Въ самой Австріи чехи, поляки и южные славяне заняли въ рейхстагѣ оборонительную позицію противъ нѣмцевъ, а русины (украинцы) изъ Галиціи апеллировали къ вѣнскому правительству и къ нѣмцамъ, и просили защиты противъ поляковъ. Вѣвскій рейхстагъ, пользовавшійся симпатіями у русинъ и венгерскихъ національностей, подвергался нападкамъ со стороны австрійскихъ національностей—чеховъ, поляковъ и итальянцевъ. Кто бы могъ предположить, что въ нѣдрахъ *такого* хаоса зародится порядокъ?

Одновременно съ этимъ конституція открыла просторъ и для проявленія социальныхъ противорѣчій. Крестьяне требовали освобожденія отъ гнета дворянъ-помѣщиковъ, торгово-промышленные слои—свободы торговли и промышленности, интеллигенція—уничтоженія дворянскихъ привилегій, пролетаріатъ требовалъ социальныхъ реформъ и всеобщаго и равнаго избирательнаго права.

Наиболѣе чувствительно и глубоко социальная борьба затронула высшее дворянство—эту, по выраженію Мицкевича, остъ-индскую компанію. Чуждая опасность для своихъ *экономическихъ* интересовъ; оскорбленное въ своей *служилой* спеціи; озлобленное претензіями дерзкаго бюргерства на одиваковое съ нимъ *общественное* положеніе; вѣбъ себя отъ смѣлости „улицы“, поднявшей своей голосъ въ политикѣ,—это дворянство только и помышляло, что о кровавыхъ репрессіяхъ. Вскорѣ къ нему присоединилась высшая бюрократія и генералитетъ.

Не будучи высокаго мѣрныя о родовитомъ дворянствѣ, державшемъ въ своихъ рукахъ высшія должности въ министерствахъ, войскахъ и церкви, сановная гражданская и военная бюрократія тѣмъ не менѣе примкнула къ нему, сообщивъ его безмысленному раздраженію нѣкотораго рода разумность и руководящій идею: „баррикаднѣй“ министръ Бахъ перешелъ на сторону „палача“—князя Виндишгреца. Точно также и мадьярское высшее дворянство, политически побитое Кошутомъ, искало вдохновенія у Виндишгреца и Баха. Камарилья сорганизовалась, и вскорѣ пашла весьма цѣвную поддержку у цѣлага народа—хорватовъ съ ихъ бавомъ Еллаичемъ во главѣ, боявшимся, что Венгріи лишитъ ихъ національныхъ правъ.

Въ настоящее время совершенно безцѣльно, разумеется, задаваться вопросомъ, могла ли бы сознательная, послѣдовательная и однородная по отно-

шению ко всей империи конституционная политика короны предупредить кровопролитие и избавить династию от неизгладимого позора низложения в Венгрии. Если бы корона дала доступ в парламент всем национальностям и всем классам, то борьба была бы тогда борьбой самих наций и классов, и корона не несла бы за нее ответственности. Но к такой политике способен был бы только монарх с крупным умом, с богатейшим опытом, с громаднейшим терпением... Виндизгрец и камарилья увлекли императора в Ольмюц, под прикрытием виндизгрецовских полков, император перенес заседания рейхстага в уездный городок Кремзирь, близ Ольмюца, (15-го ноября 1848 года), и таким образом двор и парламент очутились всецело во власти камарильи.

Под ее влиянием чешские депутаты покинули парламент в Вѳѳ. Но так как опасность явно угрожала самому конституционализму, то они вернулись в Кремзирь, чтобы вместе с общою спаси и свою собственную свободу. Между тем рейхстаг уже решил вопрос об освобождении крестьян, не связав его в то же время с общими вопросами конституции! Эта крупная тактическая ошибка скоро отомстила за себя, — в крестьянстве угас всякий интерес к рейхстагу. Тут лишь партии в рейхстаге поняли, что им необходимы единение и быстрота действий, тем более, что из Ольмюца к ним пришла дурная весть, сильно их ошеломившая: император Фердинанд Милостивый, по настоянию камарильи, 2-го декабря 1848 г. отказался от престола в пользу своего 18-летнего племянника Франца-Иосифа I.

Виндизгрец и высшее дворянство хотели монарха, не связанного присягой ни с какой конституцией. Верх же бюрократии думали, быть может, несколько иначе; по крайней мере в манифесте о восшествии на престол они вставили следующие слова: „Твердо решив сохранить блеск короны во всей ее чистоте и не ослаблять *целость монархии во вся совокупности*, мы уповаем, что с помощью Божией и *во согласии с народами*, нам удастся связать все земли и племена монархии в один великий государственный организм“.

Социальный интерес ость-индской компании повелительно диктовал: долой конституцию! Политический интерес бюрократии требовал: общей конституции для всей империи! Оба эти слоя задавали тон при дворе. Хотя манифест о восшествии на престол торжественно обещал продолжать „великое дело конституционного строительства“, однако, серьезность этого обещания была более чем сомнительна; ясно было лишь одно: и надъ богемской хартией, и надъ венгерскою независимостью, и надъ шиллердорфскою конституцией был поставлен общий крест.

Замыслы дворянских и военных кругов не оставляли никаких сомнений. Полки Виндизгреца свирепствовали в Вѳѳ; Радецки разбил итальянцев; императорская войска и хорватский корпус, под предводительством Еллачича, вторглись в Венгрию. Венгерский рейхстаг не признал отречения Фердинанда от престола, и с полным юридическим основанием, ибо для этого необходимо было согласие мадыарского народного представительства.

Под давлением этой величайшей опасности кремзирский рейхстаг работал быстро. *Представители наций примирились между собою, взаимно размежевали свои права*, и „комиссия для устройства отечества“ изготовила *проект конституционного акта для австрийских государств*. Созванные на началах всеобщего избирательного права представители всех народов Австрии сами выработали себе конституцию, в которой путем компромиссов интересы всех национальностей были примирены, и их взаимные права разграничены и гарантированы. Полстолетия тяжелой национальной борьбы, огромные бюджетные внутри, тяжкие поражения извне были бы предотвращены, если бы этот проект стал законом. Все дальнейшее развитие свидетельствует, что он наперед установил то, что было создано лишь потом, усилиями целых десятилетий. Но этот проект, этот столь много обещавший первенец семьи австрийских народов, был задан в утробе своей матери. Камарилья помешала последнему голосованию, распустил рейхстаг. Когда депутаты пожелади собраться 7-го марта 1849 года в Кремзирь для принятия окончательного решения, они нашли место своих собраний занятым войсками.

Открытого возстановления абсолютизма однако не произошло, потому ли, что для этого не хватило смелости, или потому, что при дворе более осмотрительная бюрократия (Бах и Стадион) еще преобладала над высшей землевладельческой аристократией (Виндизгрец и Шварценберг). Более удобным признали октроировать *новую имперскую конституцию* (от 4 марта 1849 г.), так называемую *мартовскую конституцию*. *Все* земли и *все* нации в империи — мадыары в Венгрии, итальянцы в Ломбардии — должны были быть подчинены ей. Надо было сделать вид, будто хотят предоставить одинаковые права всем нациям, чтобы объединить их против тех, кто стремился к приобретению особых прав и преимуществ, — против мадыар. Последние же, на венгерском рейхстаге в Дебречине, ответили на мартовскую конституцию постановлением, в силу которого император и вся династия лишались в Венгрии верховной власти. После этого вопрос о конституции мог быть решен только оружием. Предпринят был поход под предлогом, будто хотят принудить Венгрию принять мартовскую конституцию

и признать верховную власть империи. Но какъ только съ помощью русскихъ полковъ венгерцы были побѣждены при Вилагошѣ, а итальянцы были разбиты Радецкимъ, какъ только вся сила оказалась въ рукахъ бюрократіи и войскъ,— конституціонный вопросъ сейчасъ же былъ снятъ съ очереди. Такъ называемая мартовская конституція, которая никогда и не была практически проведена въ жизнь, была устранена императорскимъ манифестомъ отъ 31-го декабря 1851 г.,— такъ называемымъ „патентомъ кавлуна поваго года“ (Sylvesterpapent). А вмѣсто этого былъ созданъ какой-то призрачный „имперскій совѣтъ“ (Reichsrath), члены котораго были назначены короной, и который получилъ характеръ чисто совѣщательнаго органа.

Такимъ образомъ борьба классовъ и націй, вслѣдствіе всеобщаго истощенія силъ завершилась восстановленіемъ абсолютизма. Крестьянство, избавившись отъ лежавшихъ на землѣ тяготъ и осчастливленное свободою земельной собственности, тотчасъ же отвернулось отъ революціи; оно пока было удовлетворено. Пролетаріатъ, слишкомъ еще малочисленный, былъ разбитъ солдатчиной. Буржуазія, прежая носительница революціи, пануганная было подъемомъ пролетаріата, вполнѣ успокоилась, оставшись довольна тѣми государственными реформами, къ которымъ немедленно приступилъ абсолютизмъ. Если Фердинандъ и Меттернихъ управляли въ патриархальномъ и полуфеодальномъ духѣ, то теперь система управленія совершенно измѣнилась. Всецѣло обновленная, руководимая гениальными людьми, бюрократія создала строгія гражданскія и судебныя установленія, впервые заложившія въ Австріи основы буржуазнаго экономическаго порядка. Освобожденіе земли отъ податнаго бремени было закончено, былъ введенъ поземельный кадастръ, новый промышленный законъ (1859 г.) обезпечилъ свободу промысла. Этими и другими реформами, хотя и не политическаго характера, бюрократія исполнила завѣщаніе, оставленное революціей, исполнила отчасти даже противъ дворянства и церкви, обманувъ ихъ надежды на плоды контръ-революціи. Съ тѣхъ поръ эти прежно союзники затаили противъ нея скрытую, но непримиримую ненависть. И церковь, и дворянство въ Австріи (значительно отличаясь въ этомъ случаѣ отъ Венгріи, Пруссіи и Россіи) обнаруживаютъ полное отсутствіе политическаго таланта; поэтому въ критическія времена они находятся въ зависимости отъ перебѣжчиковъ, отъ „баррикадныхъ превосходствъ“, вроде Баха, которымъ за спиною платятъ своимъ презрѣніемъ. — Борьба націй завершилась равенствомъ всеобщаго рабства. Даже хорваты и жители Военной границы, которые, подъ предводительствомъ Еллагича, показали себя настоящими казаками Габсбурговъ, лишились своихъ старинныхъ вольностей.

Блужданіа абсолютизма.

Я остановился болѣе подробно на описаніи австрійской революціи, такъ какъ она обнаруживаетъ тотъ своеобразный циклическій характеръ революціи, который такъ же ясно проявился и въ первой, и въ третьей французской революціи: единодушный подъемъ широкихъ массъ вмѣстѣ съ первыми ликованиями вызываетъ также на поверхность всѣ классовыя противорѣчія; ибо каждый классъ дѣлаетъ революцію прежде всего въ своихъ собственныхъ интересахъ. Возникающая междоусобная борьба даетъ правительству возможность прийти въ себя; оно объединяетъ прежде всего всѣ классы противъ класса низшаго, противъ пролетаріата, который, оказавшись такимъ образомъ совершенно изолированнымъ (іюньская бойня въ Парижѣ), политически умираетъ съ проклятіями на устахъ противъ предавшей его буржуазіи. Среди господствующихъ классовъ на послѣднемъ мѣстѣ оказывается теперь мелкій буржуа; тогда правительственная власть объединяетъ всѣ остальные элементы противъ него,— и такъ далѣе, пока очередь не доходитъ до крушой буржуазіи и даже до дворянства и церкви; и они въ концѣ концовъ вытѣсняются грубой силой гражданской и военной бюрократіи. Государственная власть становится властью *an sich*, властью сверхчеловѣческой, стоящею надъ классами и надъ націями (вспомнимъ перваго и третьяго Наполеоновъ).

Но нашъ вѣкъ не обнаруживаетъ длительного интереса къ культурѣ, наоборотъ, культура интересовъ владѣть нѣмъ. А государство, у всѣхъ возбуждающее въ одно и то же время и страхъ, и надежду, служитъ прежде всего именно интересамъ. Метафизическая идея государства ослѣпляетъ, какъ блестящее оружіе, но она не свѣтитъ и не грѣетъ. Власть боятся каждый, ей не довѣряютъ даже тотъ, кому она служитъ, и никто ее долго не любитъ и не уважаетъ. Ея общественная и политическая изолированность побуждаетъ ее искать сближенія съ классами, которые поддерживали бы ее, заставляетъ искать идей, способныхъ привлечь къ ней симпатіи массъ. И такъ она бросается изъ стороны въ сторону, постепенно вовлекая вновь въ сферу политическаго вліянія одинъ классъ за другимъ. Какъ раньше шагъ за шагомъ она отталкивала отъ себя поочередно всѣ классы, такъ теперь она должна привлекать ихъ къ себѣ. По крайней мѣрѣ Австрія продѣлала вторую половину этого цикла именно въ такомъ направленіи, и я хочу изобразить послѣдовательныя его фазы въ хронологическомъ порядкѣ. Они достаточно говорятъ сами за себя.

Абсолютная военно-бюрократическая власть, восстановленная в 1851 г., вначале отвеслась с недоверием даже к церкви и дворянству, интересам которых собственно должна была служить контр-революция. И наоборот духовенство не переставало жаловаться на безбожное государство, являющееся якобы истинным виновником революций. (Это после того как именно в угоду церкви оно и душило их!) Церковь, эта старейшая из форм организованной власти, требует от государства, чтобы оно сложило оружие. В 1855 г. Австрия заключает *конкордату* с римской курией, которым церковь призывается к роли соправителя бюрократии.

За церковь идет дворянство, второй наследник контр-революции. Оно также ронцет и при первом удобном случае, пользуясь затруднительным положением государства, требует также непосредственного участия во власти,— и добивается его. 5 марта 1860 г. рейхсратъ пополняется представителями родовитого дворянства, которые требуют восстановления старого сословного представительства для коронных земель, а также образования центрального парламента из делегатов от ландтаговъ, в которых преобладало уже поместное дворянство. Они требуют этого вопреки воле бюрократии, но преодолевают ее сопротивление. 20 октября 1860 г. издается так называемый *октябрьский дипломъ*, удовлетворивший их требования.

Бюрократия не довольна. Но каким же путем она может оказать противодействие господству дворян, если не путем союза с *крупной буржуазией*? Четыре месяца спустя, еще прежде чем этот диплом был практически проведен в жизнь, Шмерлинг схлопотал знаменитый *февральский патент* (от 26 февраля 1861 г.), в силу которого для ландтагов устанавливается курialesкая система выборов, избирательные права предоставляются, наряду с высшим поместным дворянством, также зажиточному крестьянству и крупной буржуазии; рейхсратъ созируется из представителей, избираемых ландтагами по куриям. Таким образом в рейхсратъ дворянские и буржуазные элементы взаимно уравновешиваются. Этим путем, спустя 10 лет после „окончательной“ победы контр-революции, парламентаризм начинает вступать в свои права в Австрию.

Экономическое развитие повсюду содействует возвышению буржуазии и умалению былого значения дворянства. Парламентъ становится все более и более буржуазным, даже берет, в лице буржуазного министерства (1867 и след. годы) бюрократическую власть в свои руки и, благодаря введению прямых выборов, совершенно освобождается от влияния все еще феодальных ландтагов (первая избирательная реформа 1872 г.,— реформа буржуазии). Церковь и дворянство помышляют о мести; они подстрекают мелкого крестьянина и мелкого буржуа, которые посредством

высокого ценза все еще лишены права голоса, и организуют их для борьбы с буржуазией. В этой борьбе интересов бюрократия снова приобретает свою самостоятельность (1879 г., граф Таафе) и старается укрепить ее путем понижения избирательного ценза до 5 гульденов, т. е. путем искусственного приведения в равновесие элементов крупной буржуазии и мелкого бюргерства (вторая избирательная реформа 1885, реформа мелкого бюргерства). Мелкая буржуазия (Люэгеръ, Шенереръ, младочехи и проч., около 1890 г.) освобождается от церковно-феодално-бюрократической опеки, вступает в борьбу с консерваторами (дворянство и церковь) и одновременно также с либералами (буржуазия), и апеллирует к народу, требуя всеобщего избирательного права. В эпоху Бадени, после частичной *третьей* избирательной реформы (1896 г.) наступает время сумбурной диктатуры мелкого бюргерства; теперь уже сама государственная власть принуждает его проводить реформу всеобщего избирательного права (четвертая избирательная реформа 1905 г.), идясь, под шум взаимной борьбы различных буржуазных классов между собой и этих последних против пролетариата, вернуть себе свою независимость.

Таким образом государственная власть после бесконечных неурядиц, после 60 лет непопятного движения, опять пришла к тому же, к чему она была приведена в 1848 году в течение трех месяцев—к всеобщему равному избирательному праву и к демократизации законодательства. Шестидесять лет политической сумятицы явились последствием контр-революции. За это время Австрия была слаба внутри и извне, пережила Сольферинно (1859 г.) и Кениггретц (1866 г.), лишилась своего положения в Италии и Германии и утратила свое имперское единство (акт соглашения с Венгрией 1867 г. и победа „партии независимости“ в 1905 г.).

Точно такой же возвратный цикл революция привел более зрелую Францию и режим Наполеона III, за период от 1848 до 1870 г., к Седану и к третьей республике. Чем больше зрелостью отличается народ, чем позднее он вступает в этот цикл, тем быстрее этот последний завершается, тем более глубокие следы оставляет он в истории народа. Как бы различные формы не принимало это циклическое движение у различных народов, на одном из них, думается мне, не избывать его.

III. Отраженіе національных и социальных противоречій въ жизни парламента и въ развитіи политическихъ партій.

Въ предыдущемъ изложеніи мы прослѣдили, какъ развѣтывалась борьба національностей въ Австро-Венгрии на аренѣ социально-экономическихъ и государственно-политическихъ отношеній.

Безконечно преломляясь, въ измѣняемыхъ до неузнаваемости формахъ отражается она въ рамкахъ парламентской жизни. Экономическія и социальныя явленія никогда не проявляютъ въ представительныхъ учрежденіяхъ своего дѣйствія непосредственно, и не являются въ своемъ обнаженномъ видѣ. Подобно свѣтовымъ лучамъ, проходящимъ сквозь опредѣленную среду, они предварительно преломляются въ процессѣ образованія политическихъ партій. Этотъ процессъ опредѣляется не только специфической техникой партійнаго строительства, но и особенностями всего правового и духовнаго уклада данной страны. Пояснимъ это примѣромъ.

Въ политикѣ Англии уже болѣе двухъ столѣтій господствуетъ система двухъ партій. Поддерживается эта система установленнымъ въ англійскомъ избирательномъ правѣ принципомъ *относительнаго большинства*: вновь возникающая третья партія не въ силахъ на первыхъ порахъ своего существованія завоевать въ какомъ-либо избирательномъ округѣ первое или второе мѣсто по числу собранныхъ ею голосовъ; въ теченіе одной или двухъ избирательныхъ кампаній поэтому она не можетъ приобрести вліянія. Такого длительного безсилія и бездѣйствія избиратели не могутъ перевести, такъ какъ перебаллотировокъ, въ которыхъ они могли бы принять участіе, въ Англии нѣтъ. Недовольные избиратели тотчасъ же стараются примкнуть ко второй по силѣ партіи, къ партіи оппозиціи, и въ концѣ концовъ вступаютъ въ ея ряды. Оппозиціонная партія съ своей стороны включаетъ въ свою программу существеннѣйшія требованія недовольныхъ избирателей, чтобы привязать ихъ къ себѣ. Такимъ образомъ партія, находящаяся въ данный моментъ въ оппозиціи, воспринимаетъ *все новыя идеи и новыя программы*; она вовлекаетъ въ сферу своего вліянія все вновь выступающіе политическіе таланты, сама видоизмѣняясь, какъ въ смыслъ личнаго состава, такъ и въ смыслъ идейнаго содержанія. Такъ за послѣдніе десятилѣтія англійскіе либералы и консерваторы поочередно впитывали въ себя практическое содержаніе идей социализма, привлекая къ себѣ значительную часть руководителей тредъ-юнио-

новъ и такимъ образомъ надолго задержали возникновеніе *политической партіи* социалдемократіи. Подобныя партіи, воспринявшія и претворившія разнородныя политическіе элементы, представляющія изъ себя уже выработанный компромиссъ, непосредственно способны стать у кормила правленія, такъ какъ несутъ въ себѣ сумму всехъ идей современности.

Иначе обстоитъ дѣло въ странахъ, гдѣ функционируетъ, напримѣръ, пропорціональная система выборовъ. Здѣсь каждая социальная группа можетъ дѣйствовать совершенно *самостоятельно*, не считаясь съ другими группами. Въ такихъ странахъ мы находимъ одновременно цѣлый рядъ мелкихъ, не связанныхъ между собою и непримиримо настроенныхъ партій, которыя уже въ самомъ парламентѣ должны вступать въ соглашенія для образованія большинства. Здѣсь ни одна изъ мелкихъ партій сама-по-себѣ не въ силахъ стать руководящей партіей; она можетъ добиться этого только путемъ урѣзыванія своей программы въ парламентѣ, — операція, всегда возбуждающая сильное подозрѣніе со стороны избирателей. Въ большихъ государствахъ, съ экономической дифференцированностью или политическимъ своеобразіемъ отдѣльныхъ провинцій, это партійное дробленіе можетъ явиться прямымъ слѣдствіемъ ихъ историческаго развитія и безъ пропорціональнаго представительства (Германія); въ меньшихъ же, однородныхъ по составу государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Бельгии, этого дробленія можетъ не быть и при наличности пропорціональнаго представительства.

Процессъ формированія политическихъ партій опредѣляется такимъ образомъ одновременно и правовыми, и историческими моментами. Одно и то же социальное содержаніе политической жизни можетъ найти себѣ выраженіе въ лицѣ совершенно различныхъ партій; поэтому въ иныхъ странахъ такъ называемые либералы въ сущности являются консерваторами и — наоборотъ. Несомнѣнно лишь одно: принципъ естественнаго опыта — *contra non agent nisi fuit*, соответствуетъ въ конституціонной жизни принципъ: всякое экономическое или социальное явленіе становится движущей силой въ государствѣ лишь тогда, когда оно входитъ творческимъ элементомъ въ партійныя программы или само въ состояніи создать политическія партіи.

Новый рейхсратъ и національности. Контуры будущей австрийской политики.

Единоеобразное всеобщее и прямое избирательное право, положенное въ 1905 г. коонецъ злосчастной куріальной системѣ, не разрѣшаетъ еще само по себѣ національнаго вопроса ни въ странѣ, ни въ парламентѣ. Но оно должно въ корнѣ измѣнить всю политику австрийскихъ націй.

Одна крупная ошибка лежитъ въ оснoвѣ той критики, которая раздается нынѣ по адресу австрийской избирательной реформы, въ томъ числѣ со стороны многихъ политиковъ новаго рейхсрата. Всѣ опасенія и многія надежды, связывающіяся съ этой реформой, огульно переносятъ прежнюю парламентскую ситуацію, прежнюю тактику и прежнюю систему партійныхъ задачъ—на новую палату. Старый націонализмъ, все политическое прошлое страны, вся совокупность националистическихъ идеологій выступаетъ опять и ставитъ еще разъ въ полной силѣ старую антитезу. Всѣ представители славянскихъ націй—говорятъ намъ—должны совмѣстно противостать нѣмцамъ и романскимъ депутатамъ. Или: всѣ нѣмецкіе и романскіе депутаты должны,—если только вообще желательно сохранить за государствомъ его историческій характеръ,—создать постоянный противовѣсъ славянамъ. Или, наконецъ: славяне должны соединиться съ романскими народами, чтобы совмѣстными силами выступить противъ стремленія нѣмцевъ къ господству. Во многихъ головахъ все еще живетъ, даже и въ новомъ рейхсратѣ, эта тройственная идея блока.

Всѣ эти три формулы заключаютъ въ себѣ одну общую ошибку: онѣ переносятъ традиціонныя формы въ кореннымъ образомъ обновленный парламентъ. Онѣ исходятъ изъ ложныхъ предпосылокъ и формулируютъ недостижимыя цѣли, а потому неправильны и утопичны. И въ новомъ рейхсратѣ онѣ уже не разъ обнаружили свое безсиліе.

Совершенно невозможно предположеніе, что когда-либо удастся еще разъ всю массу голосовъ какой-либо націи уложить въ рамки одной парламентской партіи, одного правительственнаго большинства. Это давно уже не имѣетъ мѣста ни у нѣмцевъ, ни у чеховъ, ни у поляковъ; теперь это становится невозможнымъ и въ средѣ самыхъ малыхъ націй. Изъ числа славянскихъ мандатовъ надо вычесть тридцать семь депутатскихъ мѣстъ, занятыхъ социалдемократами, которые никогда не могутъ выйти изъ рядовъ оппозиціи, никогда не присоединятся къ славянскому правительственному блоку, какъ не присоединятся къ нѣмецко-романскому блоку заседающіе въ рейхсратѣ шестидесять нѣмецкихъ социалдемократовъ. Уже это одно сводитъ на нѣтъ всѣ расчеты на созданіе подобнаго рода блоковъ.

Столь же невозможнымъ является и второе предположеніе, что клерикальные и прогрессивные элементы двухъ наиболее дифференцированныхъ націй—нѣмцевъ и чеховъ—будутъ въ состояніи длительно оставаться въ рамкахъ одной общей партійной группы, одной правительственной партіи; еще вопросъ, способны ли на это клерикалы и прогрессисты даже въ средѣ малыхъ націй. Всеобщее избирательное право дѣйствуетъ какъ разъѣдающая кислота на всякаго рода естественные союзы. И великій выигрышъ нѣмцевъ отъ избирательной реформы состоитъ именно въ томъ, что отнынѣ они уже не представляютъ собою единственную дифференцированную націю,—всѣ остальные націи подобнымъ же образомъ распадаются на рядъ политическихъ фракцій.

Такъ какъ внутри курій политическія противоположности остаются въ тѣни, то борьба политическихъ міровоззрѣній для мелкихъ народностей совершенно не существовала; теперь она уже даетъ себя знать въ парламентскихъ группировкахъ. Въ средѣ каждой, хотя бы самой мелкой народности стоитъ другъ противъ друга по меньшей мѣрѣ три противника: буржуазные консерваторы (клерикалы), буржуазные прогрессисты и социалдемократы. Устраненіе національныхъ конфликтовъ изъ избирательной борьбы путемъ распределенія избирательныхъ округовъ сообразно съ национальнымъ составомъ областей ведетъ къ тому, что обязательства, которыя берутъ на себя избираемые депутаты, относятся преимущественно къ области экономической и политической программы; чисто національные блоки становятся навсегда невозможными.

И въ-третьихъ, совершенно невозможнымъ является предположеніе, чтобы всѣ славянскіе или всѣ неславянскіе блоки могли объединиться между собою. Славянскіе, наиримѣръ, не въ состояніи это сдѣлать, ибо русины никогда не могутъ идти рука объ руку съ поляками. Вовлечь въ какую бы то ни было комбинацію объ эти національности совершенно невозможно. Почти въ той же степени исключена возможность нѣмецко-романскаго блока. Ибо нѣмцы могутъ пойти рука объ руку съ итальянцами лишь тогда, если рѣшительно порежутъ со своими консервативными тирольскими соплеменниками.

Если ближе приемотрѣться ко всему этому, то нетрудно замѣтить, что каждая нація, желающая примкнуть къ другой, тернетъ черезъ это часть самой себя. Если нѣмецкіе консерваторы изъ альпійскихъ областей сблизятся съ чехами, они оттолкнутъ отъ себя нѣмецкихъ прогрессистовъ; если чешскіе прогрессисты объединятся съ нѣмцами, они оттолкнутъ отъ себя крайнихъ националистовъ въ своей собственной средѣ. Изъ среды поляковъ можетъ вступить въ союзъ съ нѣмцами лишь часть; ибо другая ненавидитъ нѣмцевъ изъ-за прусской политики въ польскомъ вопросѣ и предпочитаетъ имъ чеховъ. И такъ далѣе.

Таким образом, идея блока покоится на трех ложных предпосылках; и в социально-политическом, и в национальном отношении она совершенно несостоятельна. Столь же несостоятельна она и по своим целям.

Панславистский блок мог бы служить лишь одной из двух целей: либо стремлению ослабить Австрию, либо — подчинить ее клерикальному влиянию; блок неславянских народностей мог бы иметь лишь одну цель — германизацию, или сохранение существующего административного строя в его традиционных формах.

Возможность повторения эксперимента Бадени, — а к этому сводится первая из вышеуказанных целей — исключена. И прежде всего благодаря той позиции, которую занимает пролетариат.

В деле отпора всякому иноплемennому владычеству, всякого рода захватным стремлениям, каждый может смело положиться на пролетариат. И рабочий способен защищать свое жилище. Но ничто в мире не может побудить рабочего протянуть свою руку к плугу соседа, захотеть власти над этим соседом. Нападающий никогда не будет иметь его на своей стороне. Ибо нападение всегда в конце концов безлюдно, оно всегда означает растрату сил и влечет за собою только вред, только разрушение. Что досталось на долю немцев в результате их попытки добиться национального господства в Цислейтании? — Военные издержки проигранной кампании, и больше ничего! Таков же выигрыш чехов от всей эпопеи Бадени.

Немецкие, чешские и польские рабочие в равной мере отдають себя в этом отчет; они однако отвергают ненужную гражданскую войну, разоряющую общую культурную почву без всякого выигрыша для кого бы то ни было; — и потому для будущей австрийской политики естественной предпосылкой является следующее положение: скомбинированная большинства из нескольких наций для подавления других наций никогда не могут рассчитывать на терпимое отношение к ним социалдемократии; национальные большинства, являющиеся только национальными, но не имеющими никакой политической, экономической или социальной основы, не опирающиеся поэтому ни на какой внутренний принцип и представляющие собою лишь клики завоевателей, создаваемые путем механического сложения голосов, всегда встретят со стороны социалдемократии решительный отпор. И этот отпор она окажет им не только в форме парламентской оппозиции, но — в этом можно быть уверенным — не особенно задумываясь над выбором средств.

Такова была позиция польских, чешских и немецких рабочих во

время Бадени, такова будет она и впредь. И уже это одно делает подобную рода политику блока на будущий времена невозможной, безнадежной; ибо она немаловажна уже просто арифметически. Если бы славяне стояли пред лицом германизаторского большинства, немецкие рабочие были бы на их стороне. И если немцам придется встретиться с панславистским большинством, они в свою очередь могут рассчитывать на польских, южнославянских и чешских рабочих. Печальная Одиссея националистических блужданий в погоню за господством паходит себя наконец в новом рейхсрате решительный предель.

Но столь же мало возможен вред в Австрии ярко выраженный клерикальный или анти-клерикальный блок. Ибо в этой стране, где восемь наций, сдвинутых на тесном пространстве, прокладывают себе дорогу, все приковано к тому, чтобы ни один социальный интерес не закрывал собою все остальные — ни клерикальный, ни национальный, ни социальный. Здесь все так переплелось, в такой мере обусловлено одно другим, что нет такой вещи, которая могла бы вырости до предель беззубого и безграничного, будь то даже и клерикализм. Христианские социалисты могли в этом убедиться на опыте всех тех походов, которые они предпринимали против университетов.

Эта всесторонняя взаимно-обусловленность и теснота в национальных и вероисповедных делах и характеризует именно «новую ситуацию» в новом рейхсрате. Фактически она коренилась в положении вещей еще со времени падения Бадени; она только не проявлялась до сих пор в *положительной* форме.

Въва.

Rudolf Springer (Dr. Karl Renner).